

«Новое учение об истории» Лян Ци-чао

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова

Статья предваряет первый русский перевод вводного эссе из трактата «Новое учение об истории» 1902 г., написанного Лян Ци-чао (1873–1929). Данный текст являлся программным в декларируемой Лян Ци-чао «историографической революции», которая в первую очередь должна была привести к полной мировоззренческой, социальной и философской перестройке китайского общества. Лян Ци-чао опубликовал трактат, находясь в эмиграции в Японии, не скованный запретами традиционной китайской культуры династии Цин. Главной его задачей была апология нового сознания, конструирования новой идентичности – не существовавшей доселе китайской нации – и оправдания новой, гражданской истории. Новому восприятию исторической реальности должна соответствовать и новая форма письма. Примечательно, однако, что для выражения революционных идей Лян Ци-чао использовал традиционные формы и древнекитайский литературный язык. Идеалом гражданского историка были для него Вольтер и Э. Гиббон, которые, декларируя комплексные общественно-политические задачи, сочетали изысканный литературный стиль и обращение к самым широким слоям читающей публики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лян Ци-чао, эпоха Цин, буддизм, традиционная историография, философия истории, модерн.

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, 420111, ул. Пушкина, д. 1/55, Учебное здание № 36.

Доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения К(П)ФУ.

dmitrymartynov80@mail.ru
<https://kpfu.ru/Dmitry.Martynov>

МАРТЫНОВА Юлия Александровна – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, 420111, ул. Пушкина, д. 1/55, Учебное здание № 36.

juliemartynova82@gmail.com

Кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения К(П)ФУ.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

Цитирование: *Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. *Лян Ци-чао.* Новое учение об истории. [Традиционная] история Китая. Перевод с китайского и примечания Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 107–111.

Лян Ци-чао (1873–1929) известен в современном Китае как основоположник «историографической революции». Эта последняя является «ухудшенной версией истории китайской философии» [Elman 2010, 376]. Собственно, периодизация истории китайской философии и базовый набор персонажей (с соотношением их с веками истории

западной философии) была предложена в 1920-е гг. самим Лян Ци-чао и его коллегой Ху Ши (1891–1962), несмотря на все разделявшие их политические преграды. Как отмечал Б. Элман, и на Ляна, и на Ху сильнейшее влияние оказала немецкая *Geistsgeschichte*, причем в упрощенном виде [Ibid.]. По-иному ситуация сложиться не могла, поскольку Лян Ци-чао и его старшим и младшим современникам (прежде всего учителю Кан Ю-вэю, коллегам-просветителям Янь Фу, Чжан Бин-линю, поэту и дипломату Хуань Цзун-сяню, журналисту Ван Тао и другим) пришлось в кратчайший срок воспринять и освоить духовные ценности западной цивилизации. Не зная западных языков, они опирались на доступные переводы на китайский и японский языки. Впрочем, это было наименьшей из возникавших перед ними проблем.

Лян Ци-чао — одна из ключевых фигур переходного периода XIX–XX вв. в китайской мысли. Отчасти его известности способствовала журналистская деятельность: в 1898–1907 гг., находясь в Японии, Лян издавал собственные журналы, в которых мог свободно излагать все интересующие его вопросы. Тан Сяо-бин обратил внимание, что почти во всех заглавиях его работ от 1902 г. встречается понятие «новый» — применительно к человеческой личности, гражданству, историографии и в целом Китаю [Tang 1996, 11]. Новые идеи и необычный стиль письма оказывали существенное воздействие на новое поколение читателей [Борох 2001, 7].

Тан Сяо-бин в ряду ранних сочинений Лян Ци-чао особо выделял «Новое учение об истории» («*Синь ши сюэ*») 1902 г. как одно из наиболее значимых его концептуальных произведений. Собственно, и стиль «*Синь ши сюэ*» более всего напоминал манифест. Публикация шла частями в собственном журнале Ляна «Новый народ» («*Синь минь*»), тираж которого достигал девяти — десяти тысяч экземпляров, а точек распространения в Китае, а также в Японии и других местах пребывания китайских диаспор было не менее 100 [Tang 1996, 43]. Параллельно в этом издании началась публикация книги Лян Ци-чао «Теория обновления народа», которая растянулась на много лет и знаменовала переход его взглядов от просветительского либерализма к просвещенному консерватизму [Борох 2001, 97, 100–101].

Читая «Новое учение об истории», поневоле расстаешься с иллюзиями об «отсталости» китайской мысли, поскольку Лян Ци-чао в известной степени предвосхитил дискуссии 1950-х гг. и позднейшие. В первую очередь это касается понимания того, что новому восприятию исторической реальности должна соответствовать новая форма письма. Однако в рамках той реальности, в которой существовал Лян Ци-чао, задача выработки нового историописания была неотделима от апологии необходимости и полезности исторического знания в эпоху необратимых перемен. Тан Сяо-бин параллельно рассматривал этот трактат еще и как своего рода националистическую утопию Лян Ци-чао [Tang 1996, 49].

Мы избрали для перевода на русский язык вступительное эссе «Нового учения об истории», в котором речь идет о критике традиционной историографии Китая, фактически декларируется разрыв с нею. При этом именно в критике традиции высказываются декларации социальной функции историописания. В первую очередь для Лян Ци-чао очевидно, что традиционные китайские дисциплины не совпадают с европейским пониманием наук и научности. В тот период Лян увлекался социал-дарвинизмом, и очевидно, что в принципе национализма он пытался отыскать ключ к успешности развития западного мира. По этой причине он выделил четыре недостатка традиционной китайской картины мира, которая ведет прежде всего к отсутствию сплоченности и национального самосознания, за что, по мысли Лян Ци-чао, историки несут ответственность. Таким образом, Лян впервые вводил социальное как историографическую, а не философскую категорию. Не будучи скованным в Японии традиционными табу, Лян Ци-чао раздраженно писал, что исследователям недоступны материалы для изучения династии Цин, правившей Китаем с 1644 г. Впрочем, это были только вводные замечания.

Лян Ци-чао несомненно были известны в японском переводе работы гегелевской школы. Поэтому одним из важнейших вопросов, на который он пытался дать ответ, был вопрос: в чем дух истории? Дух истории выражается в идеях (*сы сян*) и идеалах

(ли сян). В этом месте его рассуждения практически повторяли теории учителя — Кан Ю-вэя. Человечество складывается из групп разной численности, которые находятся в постоянном взаимодействии и укрупняются с течением времени. Смене социальных общностей соответствует смена хронологических периодов. Соответственно, историк, если способен выявлять те или иные факты и причинно-следственные связи, может предсказывать известные тенденции в будущем, чем и объясняется полезность его занятий. Таким образом, одна из важнейших претензий Лян Ци-чао к традиционному историческому письму — отсутствие последовательности. Это парадоксально сочетается с традиционным стилем написания представленного ниже эссе и весьма примечательной классификацией, которая демонстрирует отсутствие привычной нам логической последовательности.

Таким образом, важнейшим позитивным моментом, который провозгласил Лян Ци-чао, была историографическая революция. Как можно увидеть ныне — спустя более ста лет после декларации китайского мыслителя — это, действительно, было революцией. Принципиально новыми были восприятие общества как органического целого, субъект истории — нация или социум. Поскольку именно Лян Ци-чао был зачинателем китайской социальной философии, он внес концепцию социума и в свою новую историографию. Однако данью прошлому, в традициях которого он был воспитан, была принципиальная невозможность разделить историческое, социальное и политическое мышление.

Второе эссе «Нового учения об истории» открывалось отождествлением понятий «история» и «эволюционные изменения» и противопоставлением эволюции и революции. Лян Ци-чао даже попытался ввести классификацию гуманитарных и естественных наук, в которой также ощущается известное влияние гегельянства: «естествознание — науки о явлениях в пространстве, гуманитарные — о феноменах во времени». При этом исторические события не могут начаться и завершиться одновременно, в отличие от природных явлений. Исторические процессы также не могут быть сведены к линейности. Тем не менее предметом исторической науки является эволюционное изменение в обществе. Эволюция, таким образом, является еще и своеобразной масштабной линейкой, не приложимой к жизни отдельного индивида, но вполне подходящей для материала целых наций.

В третьем эссе Лян Ци-чао вводил также вполне современную звучащую тему интерпретации. Для него было очевидно, что любая интерпретация как процедура имеет философскую структуру. Из этого следует тяжелый вопрос о границе между вымыслом и точкой зрения, а также вопрос, где кончается история как повествование, интерпретирующее факты, и начинается простая фиксация фактов в хронологическом порядке, которую он так осуждал. Несмотря на то что в тот период он разделял эволюционистские взгляды своего учителя Кан Ю-вэя о трех эрах (человечество развивается последовательно из века Хаоса в век Рождающегося мира и через него достигает Великого единения), Лян Ци-чао осознавал крайнюю затруднительность поисков неких общих законов истории. Объясняется это в первую очередь тем, что исторический процесс разворачивается непрерывно, в отличие от завершающихся и повторяющихся природных процессов. Однако Лян называл и возможные пути выхода из познавательного тупика. Если историку будет доступна вся полнота исторического знания, преодолевшая временные и пространственные границы, то эта проблема исчезнет. Соответственно, история превращается в метанауку, представители которой используют достижения географии, геологии, этнографии, лингвистики, социологии, политологии, юриспруденции, логики, психологии, риторики и даже естественных наук. Только таким образом возможно соотносить события в причинно-следственной связи.

Примечательно, что в публицистике того же 1902 г. Лян Ци-чао в качестве образцов интеллектуалов приводил весьма несхожих между собой людей: Вольтера, Фукудзаву Юкити (1835—1901) и Льва Толстого. Объединяла их в первую очередь активная гражданская позиция. Все трое были знаменитыми писателями и публицистами, не отделяли гуманистического служения от национальных интересов. Примечательно, что за общечеловеческой риторикой Толстого Лян Ци-чао видел деятельный национализм, направленный на

прогресс и реформы собственного государства [Tang 1996, 51–52]. Однако для Лян Ци-чао наиболее близки по духу были именно деятели западного просвещения, помимо Вольтера еще и Эдуард Гиббон (1737–1794). В глазах Ляна их объединяла универсалистская риторика и убежденность в глобальности прогресса, а монументальная история упадка Рима соединяла столь важный для конфуцианца моральный урок и изысканную литературную оболочку. Вольтер же был первым философом, который поставил программную задачу создания универсальной истории, которая объединила бы социальные, политические, военные, дипломатические и художественные аспекты [Tang 1996, 69–70].

Перевод выполнен Д.Е. Мартыновым по изданию [Лян 2014]. Во вступительном эссе «Ши сюэ» пропущены два абзаца с критикой конкретных исторических памятников, не добавляющие ничего по существу высказанных идей.

Источнику – Primary Sources

Лян 2014 – Лян Ци-чао. Синь ши сюэ [Новое учение об истории] / Лян Ци-чао чжэ, Лю Инь зяочэжу. Пекин: Шаньу иншугуань, 2014. 286 с. (Liang, Qichao. *New Historiography*, in Chinese).

Ссылки – References in Russian

Борох 2001 – Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Ци-чао: теория обновления народа. М.: Восточная литература, 2001.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 5. P. 107–111

“New Historiography” by Liang Qichao

Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova

The article presents the first Russian translation of the introductory essay from the treatise *The New Historiography* (1902), written by Liang Qichao (1873–1929). This text was programmatic in the “historiographic revolution” declared by Liang Qi-chao, which was to lead to a complete ideological, social and philosophical restructuring of Chinese society. Liang Qichao published a treatise, while in exile in Japan, not constrained by the prohibitions of traditional Chinese culture of the Qing dynasty. His main task was the apology of a new consciousness, the construction of a new identity – the Chinese nation that had not existed before – and the justification of a new, civic history. A new perception of historical reality must correspond to a new form of writing. It is remarkable, however, to express the revolutionary ideas of Liang Qichao used traditional forms and the ancient literary Chinese language. The ideal of a civilian historian was for him Voltaire and Edward Gibbon, who, declaring the complex social and political tasks, combined in their texts an exquisite literary style and appeal to the widest sections of the reading public.

KEY WORDS: Liang Qichao, Qing era, Buddhism, traditional Chinese historiography, philosophy of history, modern.

MARTYNOV Dmitry E. – Kazan (Volga region) Federal University, 1/55, Pushkin str., Kazan, 420111, Tatarstan, Russian Federation.

DSc in History, Full Professor, Department of Altaic and Chinese Studies.

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru URL: <https://kpfu.ru/Dmitry.Martynov>

MARTYNOVA Yulia Alexandrovna – Kazan (Volga region) Federal University, 1/55, Pushkin str., Kazan, 420111, Tatarstan, Russian Federation.

juliemartynova82@gmail.com

Received on February 25, 2019.

Citation: Martynov, Dmitry E., Martynova, Yulia A. (2019) “New Historiography” by Liang Qichao’, Liang Qichao, *The New Historiography, Traditional Historiography in China*, Translated into Russian by Dmitry E. Martynov, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2019). pp. 107–111.

DOI: 10.31857/S004287440005060-1

References

Borokh, Lilia N. (2001) *Confucianism and European Thought at the Turn of the XIX–XX Centuries. Liang Qichao: Theory of Renewal of the People*, Vostochnaya Literatura, Moscow (in Russian).

Elman, Benjamin A. (2010) “The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History”, *Eighteenth-Century Studies*, Vol. 43, No 3, pp. 371–391.

Tang, Xiaobing (1996) *Global Space and the Nationalist Discourse of Modernity: The Historical Thinking of Liang Qichao*, Stanford University Press, Stanford.

Новое учение об истории [Традиционная] история Китая Лян Ци-чао

В настоящее время в Европе и Америке активно развиваются все отрасли научно-го знания (*сюэ кэ*), тогда как в Китае поддерживается [традиция], за исключением исторической науки (*ши сюэ*). Те, кто изучает историю, чрезвычайно многочисленны, и эта наука весьма необходима для нации¹ [как] источник патриотизма (*ай го синь чжи юаньцюань*). Ныне в Европе высоко развился принцип национализма (*минь-чжужэжуи*)², вследствие чего ведущие державы (*ле го*) каждодневно пестуют культуру и просвещение (*вэнь мин*); в этом есть и заслуга исторической науки. В таком случае неужели в тех государствах бедствия предотвращаются всего лишь изучением элементарных вещей (*чжи у*)? Если же это так, то нация сплачивается без внешних усилий, людская масса упорядочивается и умиротворяется эволюционным путем (*вэньхуа*)³. Несмотря на то что наша страна в настоящее время интенсивно получает новое знание, этот феномен нуждается в разъяснении.

Ниже я комплексно представляю все ветви и разделы [традиционной] историографии истории Китая с кратким разъяснением и примерами.

Историческая наука.

1. Образцовые истории (*чжэн ши*):

а) «24 династические истории», основанные на официальных документах⁴;

б) Сочинения, посвященные отдельным династиям, подобно возвышенной и великолепной «Хоу Хань-шу»⁵; описывающие деяния злодеев, как в «Шу-Хань чуньцю»⁶, «Шилуго чуньцю»⁷ и «Хуаян гочжэи»⁸, «Юань ми ши»⁹. На самом деле они также принадлежат жанру официальной истории.

2. Истории, написанные по хронологическому принципу (*бянь нянь*):

«Цзы чжи тун цзянь»¹⁰ и подобные ему.

3. Развернутые повествования о событиях [тематические выборки].

а) Своды, наподобие «Тун цзянь цзиши бэньмо»¹¹, а также «И ши»¹²;

б) Тематические монографии, посвященные стратегиям и планам, а также умиротворению, наподобие «Сань ань ши мо»¹³.

4. Трактаты об управлении (*чжэн ши*)¹⁴:

а) Всеобъемлющие своды, наподобие «Тун дянь»¹⁵ и «Вэнь сян тун као»¹⁶;

б) Тематические своды, наподобие «Тан Кайюань ли» («Свод этикета танского [правления под девизом] Кайюань [713–741]»), «Дай Цин хуэй дянь» («Свод узаконенный великой Цин»), «Да Цин тун ли» («Общепринятый этикет великой Цин»);

в) Сборники частных законов, таких как «Хань гуань и»¹⁷.

5. Частные истории (*цза чжи*)¹⁸:

а) Собрания [разрозненных] сюжетов, наподобие «Го юй»¹⁹ и «Чжань го цэ»²⁰;

б) Заметки (*со цзи*), наподобие «Ши шо синь юй»²¹, «Тан дай цун шу», «Мин цзи бай ши»²²;

в) Повеления, приказы и записки [как литературный жанр], собранные воедино по чтырем разделам²³. В действительности [жанр] представляет собой частную историю.

6. Жизнеописания (*чжуань цзи*):

а) Сборники, наподобие «Жизнеописаний образцовых маньчжурских и ханьских сановников» и «Жизнеописаний служилых прежних царствующих домов»;

б) Прочие жанры, наподобие «правдивых записей»²⁴ императорских деяний и хроник жизни (*нянь пу*) отдельных людей²⁵.

7. Местные истории (*ди чжи*)²⁶:

а) Сводные описания всех провинций, наподобие «Тянься цзюньго либин шу»²⁷;

б) Записки путешественников всякого рода.

8. История учений (*сюэ ши*), наподобие «Мин жу сюэ ань»²⁸.

9. Историография:

а) Теоретические труды наподобие «Ши тун»²⁹ и «Вэнь ши тун и»³⁰;

б) Рассуждения о деяниях, наподобие «Лидай шилунь» и «Ду тунцзянь лунь»³¹;

в) Смешанные рассуждения, наподобие «Нянь эрши чжа цзи»³² и «Ши ци ши шанцюэ»³³.

10. [Сочинения] о вассальных государствах (*фу юн*):

а) Истории внешних дел (*вай ши*), наподобие «Сюй ту као»³⁴ и «Чжифан вайци»³⁵;

б) Текстуальная критика (*као цзюй*)³⁶, наподобие «Юй гун ту као».

в) Комментарии, наподобие труда Пэй Сун-чжи [372–451] «Сань го чжи чжу».

Таковы 10 жанров и 22 поджанра [традиционных исторических сочинений].

Рассматривая³⁷ несметное число³⁸ книг, собранных в «Сы ку», не убедимся ли, что [в ее собрании] шесть-семь из десяти будут относиться к исторической науке? Первым был сам великий граф-астролог³⁹, одного с ним рода занятий был Мэн-цзянь⁴⁰, и так продолжалось вплоть до Би Юаня [1730–1797] и Чжао Оу-бэя [Чжао И, 1727–1814]⁴¹, а между ними было несколько сотен людей, заслуживавших имени историка. Эта наука [история] развилась в высокой степени за две тысячи лет. Но все-таки историки действовали по шаблону, как если бы были барсуками с одного холма (*и цю чжи хэ*), не понимали, что не только историческое знание, но и границы и пределы по всей Земле совершенно переменялись, что заставляет ныне усиленно постигать не только добродетель, но и гражданственность. Почему же это так? Я заключаю, что у этих явлений четыре основных источника.

Первое именуется «знанием». Ныне существующая династия [Цин] не ведает о существовании других государств⁴². Люди моего круга говорят: «Двадцать четыре истории не есть история», так как подобны генеалогиям двадцати четырех [феодалных] семейств⁴³, и только. Эти слова чрезмерны, ибо сравнивая действие духа с записанным в анналах, следует сказать, что в них не искажается реальность. Историки нашего государства считали, что существует лишь Поднебесная⁴⁴ и единственный государь во всей Поднебесной. Поскольку они основывались на «Ши-цзи» [Сыма Цяня], то излагали только историю династий⁴⁵ и этим ограничивались; писали о восцарении и падении [императорских домов], которых были свидетелями, и только. Люди древности именовали «Цзо чжуань»⁴⁶ книгой о войнах. Неужели «Цзо чжуань» не должна находиться в числе двадцати четырех историй? Поистине, можно сказать, что в этой книге с необычайной ясностью описаны все примечательные вещи на Земле и над нею, а не только одни сражения. Пусть талантом Сыма Вэнь-гуна (Гуана) было создано «Всеобщее зеркало», но все-таки он не мог избавиться от надзора со стороны императора. (*Комментарий Лян Ци-чао*: Его рассуждения и увещевания не уберегли государя⁴⁷.) Истари те, кто занимались историей, были служителями императора и только; не было ни одной книги, [написанной] для граждан. Величайшим пороком являлось неразличение императорского двора и государства, и то, что отвергалось существование держав за пределами империи. Только теперь мало-помалу

начинаются споры о важном и второстепенном (*чжэн тун жунь тун чжи чжэньлунь*), что рано или поздно приведет к полному изменению (*дин гэ*) манеры письма (*би фа*). Как [заповедано] в «Новой истории Пяти династий» Оуян [Сю] и «*Тун цзянь ган му*» Чжу-цзы (Чжу Си), нынешние воры и разбойники сменятся просветленным духом светлого завтра; Веление Неба (*Тянь мин*) – первично, узурпаторы – вторичны. Потому-то, как рои мух копошатся в навозе, [так и людские массы] борются за сладость и горечь, хитрецы расхищают налоги, [которые платят обитатели] камышовые хижины. Обманывая себя и других, существуют трое из четверых, и нет никакой возможности избавления. Гражданская мысль нашего Срединного государства (*Чжунго гоцзя сысян*) до настоящего времени не развивается, а историки несколько тысяч лет описывают одни только бедствия.

Второе именуется знанием, которым обладает отдельный человек (*гэ жэнь*), но не обладает коллектив (*цунь ти*). Те, кто описывает историю, особое внимание уделяют героям (*инсюн*); без героев не может быть истории. Хотя в Европе и Америке существуют превосходные исторические труды, может ли быть их содержанием что-то более значительное, чем люди-творцы? Поэтому искусный в ремесле историк (*шань вэй ши чжэ*) ищет свой материал в человеческих деяниях, и описывает исторические события через выдающихся людей, каждый из которых представляет целый век, к которому героическая личность принадлежит. [Образцовая] история Китая включает «Основные анналы» (*бэнь цзи*), жизнеописания (*ле чжуань*), [тянущиеся] глава за главой (*и пянь и пянь*), подобные гальке, образующей морской берег, такие же неупорядоченные и хаотичные. Коротко говоря, существует бесчисленное множество текстов (*мучжимин*). Оценивая [работу] историков и их способности, следует замечать [в их трудах] стремление к объединению и сплочению [нации]; это выражается в эволюции и объединению в такие общественные формы, которые обеспечат благосостояние страны (*сю ян шэн си*). Это побудит читателей любить свой народ (*ай ци цун*), а в их сердцах будет умножаться добро. Ныне роль историка больше, чем во времена Юевых⁴⁸ сановников, но я не слышал ни об одном человеке, который мог бы сравниться с Гуан Ю⁴⁹. Ныне число граждан в нашей стране постепенно увеличивается, а коллективный разум и мораль не имеют аналогов в прошлом: неужели же гражданское общество не утвердится?!

Третье именуется знанием о прошлом, которое уже завершилось и не существует в настоящем. Этим занимается в современности [историк]. Обыкновенно авторы пишут о влиятельных домах (*гуй цзун*), а те, кто составляет историю, не занимаются ли переписыванием победных стел, [воздвигнутых] давно умершим воеводам? И не является ли прошлое лишь сюжетом для оперных представлений (*гэ у цзюй*)? Никким образом. В будущем, [в отличие от] современного мира, появятся беспристрастные критики⁵⁰, служащие целям правильного управления страной. Поэтому европейские и американские историки нынешнего времени являются образцом в историческом жанре (*цзи цзай*) и превосходят [китайских] в ясности. Китай не ведает об истине, и пока не будет коренного перелома, новая историография не возникнет в один момент. Это касается не только реформы жанра официальной хроники (*чжэн ши*), но и всего историописания как целого. Вэнь-гун (Чжу Си) в «*Тун цзянь*» начал [изложение] от эпохи Борющихся царств [403–221 гг. до н.э.], а закончил эпохой Пяти династий [907–959]. Коль скоро от древности и до наших дней существует монархическая государственность, при смене династий сможет ли историк проигнорировать перемены?!⁵¹ Если в Японии тысячами лет существует единственная [императорская] династия, неужели это не отразится на предмете истории?!⁵² Великий граф-астролог [Сыма Цянь впервые] составил «Исторические записки», [этот ряд продолжился] вплоть до «Основных записей ныне царствующего монарха» («*Цзинь шан бэнь цзи*»), однако в их повествованиях немало умолчаний (*инь хуэй*), что является одной из обязанностей [официального] историка. По ходу истории, в связи с непрекращающимся ни на день прогрессом, развитием образования и ростом духа народа самодержавие (*чжуань чжи чжэн ти*) изо дня в день истлевает, и в наши дни достигло почти что крайней точки [перед гибелью]⁵³. Исследуя истоки болезни, постигая ход истории, придем к выводу, что это – императорское самовластие. Именно по этой причине невозможно сокрушить извне имперское историописание. В противном же случае, хотя бы и существовала имперская цензура (*цзи хуэй юй чао тин*) разве могли бы летописцы полностью

игнорировать действия народных масс? Но как же это удалось? Ныне, если мы пожелаем исследовать события 268 лет [цинского правления], то не сможем опереться на единственный источник, как не существует [надежного] собрания официальных документов, что удивительно и вредит репутации [государства]. Иногда пользовались услугами инородцев (*вай го жэнь*), которые компилировали тексты, и даже если пытались вникнуть, достигали очень малого. Истинны, во-первых, суждения наших соотечественников, и, во-вторых, дела [нашего] государства; традиция, хотя и прочна, но не истинна и на сотую долю. Да и как могло быть иначе, если наше государство закрылось для внешнего мира! Из-за этого в наши дни мы достигли крайнего оскудения. Консерваторы говорят: «То, что знали древние, не знают современники». Однако консерваторы творят преступление перед нацией, историки в полной мере разделяют эту ответственность.

Четвертое называется: «Знать факты и не признавать наличия высоких идеалов». Из чего слагается личность (*жэнь шэн чжэ*)? Организм состоит из более чем сорока химических элементов; целостный [организм] включает глаза и уши, нос и язык, руки и ноги, внутренности, кожу и волосы, сухожилия и суставы, кровяные тельца и семенную жидкость. Истинно и то, что все это сводится к сорока с небольшим химическим элементам, и среди всех человеческих органов и жидкостей⁵⁴ нет ни одной, которая бы не состояла из них; можно ли именовать этот набор человеком? Ни в коем случае нельзя. Почему же? [Потому что в этом наборе] отсутствует духовное начало (*цзин шэнь*). Какое это имеет отношение к истории? Отвечаю: высокие идеалы (*ли сянь*) коренятся в прошлом. Большая толпа слагается из малых групп, огромные протяженностью века имеют точку отсчета. Массы взаимодействуют на протяжении поколений, века непрерывно сменяются⁵⁵ веками. Это не является тайной, напротив, это закон природы (*юань ли*). Историк способен разузнать его причины и то, какими будут последствия, совокупно отраженные в зеркале прошлого, продемонстрировать тенденции (*фэн чао*), обращенные в будущее, а затем записать это в книгу, которая принесет пользу всему миру. Ныне китайские историки настолько закоснели, что могут только повторять: «В день *цзя* произошло то-то и то-то; в день *и* произошло то-то и то-то»⁵⁶, почему же до сих пор это продолжается? Почему они не понимают далеких первопричин и непосредственных поводов и не в состоянии рассуждать? Однако какое же воздействие на нас оказывают события далекого прошлого? [Отвечаю:] приносят добрые⁵⁷ и гнилые плоды и предостерегают о том. Поэтому бесчисленные⁵⁸ тома [традиционных] исторических сочинений подобны восковой кукле или каменному истукану в саду: [внешне похожи на человека], но лишены жизненного начала (*шэн ци*); перечитывать их — напрасная трата умственных сил. Поистине, китайская история не есть орудие (*жу*) просвещения народа, а является средством оглупления (*хао*) нации.

Итак, я показал истинное положение историографии нашего времени.

[...]

Дурные плоды [традиционной историографии] для читателя множественны⁵⁹. Во-первых, [исторические книги] трудно читать. Книг так же много, как воды в океане⁶⁰, а жизнь коротка. Во-вторых, слов много, и потому труден выбор. Даже если имеется свободное время, требуется огромное терпение при чтении книги за книгой, и не имея зоркого глаза и большого кругозора, а также высочайшей эрудиции, невозможно отобрать нечто полезное, [а в противном случае] это бессмысленная трата времени и умственных сил. В третьих, [традиционная литература] не будоражит (*у гань чу*). Хотя я перечитал все [официальные] истории, они никогда не наполняли моего сердца патриотизмом, не побуждали силы к сплочению и объединению, и не заставляли сейчас же «встать на ноги»⁶¹, дабы дать отпор иностранным государствам. То есть наша китайская историография, по виду хотя и высокоразвитая, не в состоянии извлечь выгоды из гражданской истории Европы и Америки и научить долгу, преданности и скромности.

Нынешний день выдвигает [на повестку дня] принцип национализма⁶², принуждает 400 миллионов соотечественников⁶³ обрести твердые убеждения, оказавшись в мире борьбы за существование⁶⁴. В таком случае отечественная (*бэнь го*) историческая наука — лишь одна из отраслей; она цельная, не разбирает ни старых, ни молодых, ни мужчин, ни женщин, ни умных, ни глупых, ни нравственных, ни бесчестных, но касается всех; подобна воде для жаждущего и пище для голодного, когда нельзя

промедлить ни минуты. Поистине, внимательно проштудировав и описав сотню тысяч томов, я не обрел того, что чаял отыскать. Увы! Без революции в исторической науке не сможет быть спасено наше государство. Дело это во всех отношениях отдаленное, но поистине великое. Написав «Новое учение об истории», совершил ли я доброе дело? [Судить об этом] не в моей власти.

Примечания

¹ Буквально «является чистым зеркалом нации», *го минь чжи мин цзин е*.

² Один из трех великих принципов Сунь Ятсена.

³ Перевод смысловой. В оригинале — параллельное риторическое построение с вопросом и повтором конструкции «не без».

⁴ Свод официальных исторических сочинений, охватывающих события от 3000 г. до н. э. по 1644 г. После Синьхайской революции 1911–1912 гг. был дополнен еще «Черновиком истории Цин» (*Цин ши гао*), так и не получившим официального статуса, хотя он и обладал всеми признаками традиционного жанра.

⁵ «История Поздней Хань», сочинение V в., описывающее историю Поздней династии Хань (25–220 гг.). Из-за казни основного автора-редактора Фань Е (в 445 г.) свод не был завершен, а искусственно дополнен был спустя 300 лет.

⁶ «Анналы Шу-Хань», сочинение эпохи Троецарствия (221–263 гг.), смутного времени после падения династии Хань.

⁷ «Анналы Шестнадцати царств», сочинение Цуй Хуна в 100 свитках-цзюанях, описывающее события 304–439 гг., когда Китай не составлял единого государства и подвергался нападениям кочевых племен.

⁸ «Хуаянские анналы», сочинение, посвященное южным династиям смутного времени. В русском переводе термин «анналы» передает оригинальное *гочжи*, в отличие от двух предыдущих текстов, названных *чуньцзо*, в честь летописи Конфуция «Весны и осени».

⁹ «Тайная история Юань», анонимное сочинение, описывающее историю предков Чингисхана и его воцарения.

¹⁰ «Всеобщее зеркало, управлению помогающее», историко-назидательное сочинение философа-неоконфуцианца Сыма Гуана, охватывающее события с 403 г. до н.э. по 959 г. В XII в. отредактировано выдающимся неоконфуцианцем Чжу Си (1130–1200).

¹¹ Сочинение Юань Шу (1131–1205), использовавшего текст «*Цзы чжи тун цзянь*», в котором события были распределены по 239 рубрикам, 103 из которых касались эпохи смуты.

¹² Компиляция, составленная Ма Су (1621–1673). Охватывала события от глубокой древности до падения династии Цинь (209 г. до н.э.).

¹³ Дословно: «Начало и конец Трех дел». «Три дела»: придворные интриги начала XVII в., погубившие династию Мин (процессы о нападении на наследника престола, отравлении императора Гуан-цзуна в 1620 г., и разлучения с властолюбивой матерью императора Си-цзуна в 1621 г.).

¹⁴ Специфический справочный жанр: энциклопедическое описание эволюции норм и правил, а также экономики и культуры в свете законодательства.

¹⁵ «Кодекс узаконений древности и современности», правовая энциклопедия, составленная Ду Ю (735–812). Включала в себя законы предыдущих династий, составленные до 756 года, и политический трактат.

¹⁶ «Систематический свод письменных памятников и суждений», правовая энциклопедия. Ее составитель Ма Дуань-линь (1245–1325) стремился объединить все законы и указы предыдущих династий, избавив их от ошибок и противоречий.

¹⁷ Сборник установлений обеих династий Хань (202 до н.э. — 220), составленный впервые Ин Шао (140–206), а затем не раз переработанный; ныне существующий текст восходит к эпохе Сун (960–1279).

¹⁸ Термин обозначал частные семейные хроники или заметки очевидцев тех или иных событий, а также сочинения, охватывающие те или иные события, но не создаваемые по официальному заказу.

¹⁹ «Речи царств» — памятник, включающий около 300 речей политических деятелей разных древнекитайских царств X–V вв. до н.э., преимущественно, отражающих конфуцианские представления. По предположению Л.М. Позднеевой, отражает наличие в китайской литературе ораторского этапа, сходного с античным европейским. Соответственно, содержание речей полностью вымышлено.

²⁰ «Планы сражающихся царств», памятник, включающий речи, беседы и послания, приписываемые историческим лицам, жившим в V–III вв. до н. э. По преданию, составлен Лю Сянем (79–6 до н.э.) на основе не дошедших до наших дней источников.

²¹ «Новое изложение рассказов в свете ходящих», сочинение Лю И-цина (403–444). Состоит из коротких историй, распределенных по рубрикам: благотворительные поступки, речь, дела правления, литература, мастерство, гордость, подозрительность. Исторические примеры относятся к 220–420 гг.

²² «Сказание о конце династии Мин», сборник частных историй и дневников, отражающих событиях маньчжурского завоевания Центрального и Южного Китая (в том числе «Дневник десятидневной резни в Янчжоу»). Эти материалы не соотносились с официальной пропагандой и делали сборник запретным для распространения.

²³ «*Сы ку цюань шу*» («Полное собрание книг по четырем разделам») – крупнейшая в истории Китая библиотека-серия. Составлена в 1773–1782 гг. в 79 000 свитках-цзюанях (порядка 2 300 000 страниц и 800 млн. иероглифов), всего 3503 сочинения, созданных в III в. до н.э. – XVIII в. Данное собрание рассматривалось как эталон, на который должно ориентироваться ученое сословие. Из-за огромной стоимости издание не было напечатано. По приказу императора были подготовлены четыре рукописные копии для дворцовых библиотек и три – для публичных библиотек регионов Нижней Янцзы, которые рассматривались маньчжурскими властями как рассадник оппозиции и крамолы. К 1949 г. сохранилось лишь три полных комплекта библиотеки-серии (из них один был вывезен на Тайвань). В 1986 г. впервые весь свод был напечатан в 1500 томах современного формата.

²⁴ «*Ши лу*» – специфический жанр, существовавший в Китае по крайней мере с VI в., а также абсорбированный культурами Кореи, Японии и Вьетнама. Представляют собой ежедневные записи любых событий в стране и при дворе, привязанные к правлению конкретного монарха. На основе «правдивых записей» составлялась официальная история государства, а точнее, «основные анналы» (*Бэнь цзи*).

²⁵ Возможно, Лян Ци-чао имел в виду и «Хронологическую автобиографию» («*Цзыбянь нянь-лу*») своего учителя Кан Ю-вэя, составленную в 1898 г.

²⁶ Специфический жанр, объединяющий географическое описание местности, историю, краеведение, этнографию и даже отчасти описание достопримечательностей.

²⁷ Свод в 120 свитках, составленный Гу Янь-у (1613–1682) на основе его собственных наблюдений и географических описаний эпохи Мин. Был включен в «*Сы ку цюань шу*». В сочинениях 1920-х гг. Лян Ци-чао причислял этот свод к жанру политической географии.

²⁸ «Разбор учений Минской династии», трактат Хуан Цзун-си (1610–1695), завершённый в 1676 г. Описание жизни и трудов 210 неоконфуцианских ученых направления «учения о сердце», принадлежавших 17 школам эпохи Мин, один из важнейших источников по минской философии.

²⁹ «Общие положения истории», первая китайская книга, посвященная историографии, составлена Лю Чжи-цзи около 710 г.

³⁰ Трактат Чжан Сюэ-чэна (1738–1801), опубликованный посмертно в 1832 г.

³¹ «Читая “Всеобщее зеркало”», трактат Ван Фу-чжи (1619–1692).

³² Сочинение Чжао И (1727–1814).

³³ Сочинение Ван Мин-шэна (1722–1797).

³⁴ Сочинение Ли Гуан-тина (1812–1880) о западном мире с картами.

³⁵ Первый трактат по географии с приложенной современной картой мира, составленный миссионерами-иезуитами Маттео Риччи, Диего Пантохой и Джулио Алени. Опубликовано в 1623 г. Его географическая терминология (включая обозначения полюсов, параллелей и меридианов, тропиков, названия континентов и океанов) используется в китайском языке до сих пор.

³⁶ Дословно «доказательное изучение».

³⁷ Дословно «роясь».

³⁸ Использована идиома *хань ню чун дун* – «[так много книг, что] вол [при перевозке] потеет, и дом набит под самые стропила».

³⁹ *Тай ши гун*, официальный титул Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.), которого считают зачинателем жанра официальной истории.

⁴⁰ Прозвище автора «Истории Хань» Бань Гу (32–92 гг.), чье сочинение имеет все характерные черты официальной исторической хроники.

⁴¹ Лян Ци-чао считал его метод индуктивным.

⁴² Вариант перевода «национальных государств» (*го цзя*), риторическое преувеличение.

⁴³ Лян Ци-чао обыгрывает идиому *сы син* – «четыре фамилии»: в эпохи Хань, Троецарствия, Тан и Мин существовали по четыре владетельных семейства, они оказывали сильное влияние на государственную политику, но полностью исчезли при смене власти.

⁴⁴ Имеется в виду традиционная китайская картина мира: Среднее государство (Китай), окруженное разнообразными «варварами».

⁴⁵ *Чао* – государство, престол которого был вручен Небом избранному им дому; утвердившийся перевод «династия» неточен, поскольку название государства не было привязано к фамилии царствующего дома.

⁴⁶ «Комментарий Цзо», – историографический текст, предположительно составленный в V в. до н.э. Крупнейший по объему письменный памятник Китая до написания «*Ши цзи*». Представляет собой обрамляющий текст к краткой летописи «*Чунь цю*», однако вскрывает мотивы действий различных персон, описывает их характеры, замыслы и поступки.

⁴⁷ Имеется в виду сунский император Шэнь-цзун (1067–1085), при котором проводились этатистские реформы (их возглавлял политический противник Сыма Гуана Ван Ань-ши).

Правление закончилось катастрофическим поражением в войне с тангутами, которым Китай стал выплачивать дань.

⁴⁸ Юй Великий — легендарный усмиритель всемирного потопа, упорядочивший Поднебесную. В историзированной конфуцианской мифологии считается основателем первой династии Ся (2205—1766 до н.э.).

⁴⁹ Персонаж «*Цзо чжуань*», упоминаемый под 28-м годом Чжао-гуна.

⁵⁰ *Жэнь цзянь*, «человек-зерцало».

⁵¹ Перевод смысловой.

⁵² Согласно традиционным представлениям, первый император Японии воцарился в 660 г. до н.э.

⁵³ Когда Лян Ци-чао писал эти строки, до отречения последнего правителя Цинской монархии оставалось еще 10 лет.

⁵⁴ В оригинале — повтор перечисления.

⁵⁵ Использован буддийский термин *сян сюй* — «непрерывность», последовательная смена «причин и следствий».

⁵⁶ *Цзя, и* — циклические знаки (первый и второй в десятиричном «небесном» цикле), которые используются в перечислениях.

⁵⁷ *Шань го*: в буддийском смысле еще и «воздание за добро».

⁵⁸ Повторен эпитет *хань ню чун дун* (см. прим. 38).

⁵⁹ Дословно «двояки» («двухполюсны»), но пунктов в рассуждении три.

⁶⁰ Идиома *хао жу янь хай*, дословно — «туман, покрывающий бескрайнее море».

⁶¹ Конфуцианская идиома *эр ли* («*Лунь юй*» II—4)

⁶² См. прим. 2.

⁶³ Термин Кан Ю-вэя *тун бао* дословно означает «происходящие от одних родителей».

⁶⁴ Термин Дарвина и Спенсера «естественный отбор» (*ю шэн ле бай*).

Перевод с китайского и примечания Д.Е. Мартынова